

вих праць. – Додаток до Гуманітарного вісника ДВНЗ «Переяслав Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». – Переяслав_Хмельницький, ПП «СКД». 2012. С. 281-286.

5. Пономарева И.Ю., Малафій А.С. Развитие спортивно-оздоровительного туризма как средства социальной адаптации людей с ограниченными физическими возможностями// Известия ТулГУ, 2012. С.264-269.

6. Малафій А.С., Танкиева Т.А. Совершенствование правовой политики в области туризма для людей с ограниченными физическими возможностями// Известия ТулГУ, 2012. С.248-256.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ БЕЛАРУСИ

Можейко В.А., магистр управления,

Институт туризма Белорусского государственного университета физической культуры,
Республика Беларусь

Республика Беларусь заинтересована в развитии въездного туризма, для чего принимаются различные меры на государственном уровне (включая введение пятидневного безвизового режима для граждан 80 стран в 2017 году) [1]. Соответствующие приоритеты закреплены и в государственных программах по развитию туристической отрасли. Одним из факторов укрепления туристического потенциала Беларуси выступает сохранение и развитие ее культурной идентичности, традиций и специфики. Для того, чтобы культурная идентичность была сильна, необходимо обеспечение культурной безопасности, которая тесно связана с государственной культурной политикой.

Исторически существует два различных, взаимодополняющих подхода к пониманию культурной безопасности.

Впервые на практике концепция культурной безопасности как специфической деятельности начала формироваться в 1980-е гг. в Новой Зеландии в контексте локального медицинского обслуживания народа Маори. Там пришли к выводу, что успех такой деятельности невозможен без учета традиций и обычаев народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь [2, р. 26].

Соответственно, сформировалась концепция культурной безопасности (cultural safety) как деятельности, основанной на уважении и поддержке культурной идентичности сообщества, его древних традиций и современного состояния [2, р. 26].

Безусловно, вопросы культурной безопасности шире околomedicalской проблематики, и в 1990-е гг. формируется новый термин «культурная безопасность» (cultural security) [3, р. 27]. В русскоязычной традиции термин не меняется, но в англоязычном оригинале акценты смещаются с безопасности как защищенности, целостности, невредимости (safety) на безопасность как защиту, охрану, гарантирование, обеспечение (security).

Таким образом расширяется сфера применения термина *культурная безопасность*: не только локальные и/или гражданские инициативы, но общегосударственный и межгосударственный уровень обеспечения безопасности, наряду, к примеру, с военной или продовольственной безопасностью. Особую актуальность это обретает в контексте глобализационных процессов, когда, как отмечают исследователи, «духовная, информационная, культурная сфера все более становится театром глобального противоборства» [4, с. 91].

В то же время, термин cultural security не заменяет, а дополняет cultural safety: первоначальная форма по-прежнему актуальна для уровня ее первоначального контекста.

В определении С. Форреста, культурная безопасность определяется как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляя для изменения все, что должно быть исключено» [5, р. 4]. Этот подход к культурной безопасности базируется на более общей концепции социальной безопасности, разработанной О. Уивером [6].

Таким образом, культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой: ее также можно рассматривать как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом.

Так, например, М.Т. Степанянц говорит о культуре как гаранте российской безопасности [7, с. 3-13]; В.В. Сергеев отмечает, что именно культура «сохраняет язык нации, картину мира, выполняет функции воспроизводства национального самосознания и культурной самоидентификации поколений, задает жизненные ценности и способствует общественному согласию» [4, с. 90], а потому именно «культура, будучи базисным, целостным явлением, обеспечивает сохранение и единство нации, передачу духовных ценностей от поколения к поколению, охраняет нацию от внешних культурных, духовных, информационных угроз» [4, с. 91].

Сохранение памятников культуры и народных традиций, поддержка искусства и культурных инициатив не существуют сами по себе и не ограничиваются в конечном счете культурной сферой. Позитивное влияние этой деятельности распространяется шире.

При этом важно отметить, что культурная политика в контексте культурной безопасности не должна быть воинственной и нацеленной на противопоставление «чуждых» ценностей и культур «традиционным», «безопасным» (тем более, что, как показывает такой автор, как Дж. Тардиф, современная культурная безопасность не может мыслиться без учета контекста, определяемого интенсивным кросс-культурным диалогом [8]). Напротив, как утверждает С. Форрест, «культурная безопасность, это скорее не защита культуры от угроз, а создание условий, при которых культура будет безопасно расти и развиваться по своим законам» [5, р. 4].

Терминологические различия между двумя видами культурной безопасности требуют как точного понимания содержательного наполнения этого термина в конкретных контекстах, так и его корректного использования. При этом терминологические различия выходят за рамки проанализированной выше исторической перспективы формирования двух понятий культурной безопасности.

Уровень различий позволяет говорить о фактически двух разных типах культурной безопасности: *cultural safety* как культурная безопасность первого типа (безопасность-сохранение) и *cultural security* как культурная безопасность второго типа (безопасность-развитие). Оба они являются важными для формирования культурной безопасности государства, однако их значение неравномерно и использование лишь первого типа не приводит к построению подлинно сильной культурной безопасности.

Это связано с тем, что *первый тип культурной безопасности (безопасность-сохранение, cultural safety)*, ориентирован в первую очередь на то, чтобы сохранить культурное наследие в том виде, в каком оно существовало ранее или в каком существует на момент начала целенаправленной работы по его сохранению. Культурная безопасность первого типа стремится обеспечить неприкосновенность культурного объекта – как материального, так и нематериального, – его аутентичность, защиту от внешних влияний. С точки зрения безопасности-сохранения, важна не адаптивность и актуальность культуры, не ее способность соответствовать вызовам времени и удовлетворять насущные интересы и потребности, но ее неизменность, оригинальный, так называемый «истинный» вид. Поддержка культуры должна происходить независимо от тенденций окружающего мира, а если они угрожают ее неизменности (например, как глобализация) – то и вопреки им.

Возвращаясь к примеру контекста, в котором возникает культурная безопасность первого типа (*cultural safety*) – локальное медицинское обслуживание новозеландского народа Маори – можно отметить, что традиции и обычаи Маори предполагалось не адаптировать к изменившейся реальности глобализованного мира (где, например, к Маори сперва извне заносятся новые, доселе невиданные болезни, а потом извне же приезжают медики), но учитывать эти традиции и обычаи народа, его культурную идентичность, для оказания медицинской помощи [2, р. 26].

Подобная трактовка культурной безопасности не утрачивает своего значения в связи с эволюцией термина в 1990-е гг. Безопасность-сохранение, сфокусированная на обеспечении аутентичности и неприкосновенности культурного объекта, актуальна для использования в тех отраслях культурной политики, задачи которых имеют схожую фокусировку. Таковы ми могут быть музейная деятельность, работа с историко-культурными ценностями, археология, реставрация памятников архитектуры и тому подобное.

Такое обеспечение культурной безопасности, однако, не гарантирует выживание культуры за пределами заповедника, музея, не являясь таким образом финальной реализацией культурной политики и не обеспечивая всего спектра культурной безопасности.

Об этом пишет С. Форрест, уточняя, что политика культурной безопасности должна осуществляться, «оставляя для изменения все, что должно быть исключено» [5, р. 4]. В данном контексте он

фактически говорит о том, что соответствует второму типу культурной безопасности (безопасность-развитие). Это подразумевает, что поддержка национальной культуры ни в коем случае не должна превращаться в попытку закрыться от мира и игнорировать любые внешние воздействия. Подобный традиционализм легко доходит до абсурда, превращаясь в своего рода примитивизм, трактовку любых изменений как нарушения целостности национальной культуры.

Таким образом, *культурная безопасность второго типа (безопасность-развитие, cultural security)* сконцентрирована на том, чтобы обеспечить актуальность культурной традиции, ее развитие в соответствии с тенденциями времени и более того – с учетом назревающих изменений, чтобы эта культура оставалась востребованной и в будущем.

В этом смысле культурная безопасность признает тот факт, что изменения культуры (как конструктивные, так и деструктивные) являются неизменным атрибутом времени. Однако существующие тенденции (в государстве, регионе, или мире), какими бы они ни были, нужно не игнорировать, а использовать для укрепления общественного согласия, духовного развития нации и перспектив социального развития.

Общим элементом двух типов культурной безопасности является обеспечение преемственности культуры, сохранения непрерывности культурной традиции. Однако если безопасность-сохранение сфокусирована лишь на том, чтобы поддержать существующую культуру, то безопасность-развитие призвана обеспечивать на этом фундаменте продвижение и обновление культуры, включая защиту от внешних угроз (деструктивных глобализационных вызовов) этой культуре через ее адаптацию.

Важно заострить внимание на этом защитном компоненте. Хотя он является во многом ключевым для обеспечения культурной безопасности, тем не менее в политике культурной безопасности не должен чрезмерное место занимать компонент силовой компонент. Хотя речь и идет о противостоянии внешним и внутренним угрозам, обеспечение культурной безопасности – это не военные действия. Здесь не место агрессии или силовой защите, противостоянию врагам.

Культурная безопасность должна не порождать разделительные линии, но формировать разумное ощущение различий – при этом не ведущих к обязательной конфронтации. Другими словами, ощущение людьми себя как отдельной сильной культурной общности не должно включать компонента противостояния с другой культурной общностью (тем более – как ключевого принципа). И в целом акцент должен делаться не на противостоянии другой культуре, а на росте и поддержке своей, создании условий для ее адаптации и развития.

1. Беларусь вводит пятидневный безвизовый режим для граждан 80 стран. – БЕЛТА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/belarus-vvodit-pjatiletnij-bezvizovyj-rezhim-dlja-grazhdan-80-stran-227378-2017/> – Дата доступа: 06.03.2017.

2. Medical-Surgical Nursing: Assessment and Management of Clinical Problems // Elsevier Health Sciences, 2014. – 1824 p.

3. Cotter, J.M. Cultural Security Dilemmas and Ethnic Conflict in Georgia // Conflict study Journal at the University of New Brunswick. Spring 1999. – Vol. XIX. – No 1.

4. Сергеев, В.В. Культурная безопасность современного российского общества как социокультурная проблема // Обсерватория культуры. – М.: ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2010. – № 1. – С. 90-92.

5. Forrest, S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellow knife, NWT September 18, 2004.

6. Weaver, O. Social Security: The Concept in Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. – Palgrave Macmillan, 1993. – 221 p.

7. Степанянц, М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. – № 1. – С. 3-13.

8. Tardif, J. Intercultural Dialogues and Cultural Security. – Global Policy Forum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/162/27588.html> – Дата доступа: 11.02.2016.